

Выйдя из Цзиньхуа, Чжун Цзыци вспомнил о своём замысле настаивать вино и сменил маршрут, направившись в другую лавку — там торговали всевозможной утварью для повседневной жизни.

Ему нужны были глиняные кувшины для брожения. Одни — в человеческий рост, другие — с ладонь, самых разных форм и размеров. Чжун Цзыци долго и тщательно выбирал и в итоге остановился на четырёх, почти до колена высотой, заплатив за них двенадцать вэней.

Вернувшись домой, он прилёг отдохнуть. За последние дни столько суеты и беготни... хорошо, что его тело за это время окрепло, иначе он бы давно свалился без сил.

Во дворе Чжао Чжэнъань подкармливал домашних животных — украдкой, чтобы никто не заметил. Кормил их и при этом что-то тихо бормотал, а порой сам с собой хихикал.

Чжун Цзыци подумал, что такая жизнь ему по душе — простая, но наполненная. В прошлой жизни в его семье, где все были учителями, царило множество строгих правил: это нельзя, то запрещено. Из-за этого он и его старший брат всякий раз возвращались домой с тяжестью на душе. И всё же они любили этот дом... Просто теперь ему оставалось лишь доверить его брату. Интересно, как он там? Всё ли у него хорошо?..

Сквозь дремоту Чжун Цзыци вдруг осознал, что уже давно не возвращался мыслями к прежней жизни. Наверное, со временем эти воспоминания постепенно покроются пылью, растворяясь в его нынешнем существовании.

Отдохнув немного, он поднялся и пошёл на кухню. Судя по солнцу, было около десяти утра. Он замесил тесто, приготовил начинку и испёк несколько лепёшек с фаршем. В ресторане они уже поели, так что сильного голода не было — каждый съел по одной. Остальные Чжун Цзыци аккуратно завернул в промасленную бумагу, и вместе с Чжао Чжэнъанем они, взвалив на плечи три бамбуковые корзины, снова отправились в горы.

Из-за особенностей местности путь, которым Чжун Цзыци входил в горы, лежал немного левее, тогда как жители деревни обычно шли правее. Поэтому они редко сталкивались с другими — и в этом, надо сказать, была и доля его намерения.

Здесь, в стороне от людских троп, всё росло особенно пышно, и съестного было в избытке. Но сейчас главной целью Чжун Цзыци были фрукты. Перейдя через склон, за руку ведомый Чжао Чжэнъанем, он заметил, что здешние плоды выглядели куда крупнее и сочнее.

Чжун Цзыци указал на дикое персиковое дерево:

— Чжэнъань, собирай персики. Выбирай только спелые, красные, зелёные не трогай.

Чжао Чжэнъань кивнул.

Сам же Чжун Цзыци направился за виноградом. Неподалёку рос куст с мелкими ягодами. Он сорвал одну, попробовал — кисловато, но с лёгкой сладостью.

— Вот он, — тихо решил он.

Чжун Цзыци приподнялся на носки и осторожно снял гроздь, аккуратно уложив её в устланную корзину. И вдруг взгляд его зацепился за нечто знакомое — на листьях лениво распласталась толстая зелёная гусеница, почти с большой палец величиной. Его передёрнуло,

по коже побежали мурашки. Больше всего на свете он терпеть не мог таких вот мягкотелых тварей — бесформенных, скользких. В детстве он ещё мог с ними играть, но, повзрослев, стал обходить стороной, не желая даже краем глаза на них смотреть.

Но сейчас выбора не было. Чжун Цзыци украдкой взглянул в сторону Чжао Чжэнъяня, стиснул зубы и мысленно стал уговаривать себя: «Ничего нет, ничего не вижу...» — после чего упрямо уставился только на виноград, избегая смотреть на листья. Собрать ягоды оказалось легко — они быстро заполняли пространство, и вскоре одна корзина была доверху полна.

Он вытер пот со лба — несмотря на тень деревьев, жара стояла невыносимая. Взяв корзину на спину, Чжун Цзыци направился к Чжао Чжэнъяню. Тот уже набрал больше половины корзины персиков. Он протянул руку, чтобы снять ношу с плеч своей жены, но вдруг замер, его взгляд зацепился за что-то.

— Не двигайся, жена, — вдруг сказал он.

Чжун Цзыци мгновенно застыл, тревожно спросив:

— Что такое?..

Внутри уже поднималось нехорошее предчувствие.

Чжао Чжэнъянь осторожно коснулся его воротника — и в следующую секунду в его пальцах оказалась серовато-бурая, покрытая волосками гусеница. Он даже с каким-то наивным довольством поднёс её поближе, будто показывал драгоценность.

— ААА!!! Убери её!! — вскрикнул Чжун Цзыци, отшатнувшись и напрягшись всем телом.

Чжао Чжэнъянь растерянно застыл на месте, рука так и осталась поднятой, а он сам смотрел на свою жену с искренним недоумением, не понимая столь бурной реакции.

Чжун Цзыци попытался унять бешено колотящееся сердце, бросил на него сердитый взгляд:

— Ты чего стоишь? Съесть её собираешься?!

Чжао Чжэнъянь поспешно отбросил всё ещё извивающееся существо и, словно провинившийся ребёнок, неловко посмотрел на него, тихо пробормотав:

— Жена...

Чжун Цзыци и не думал скрывать свой страх:

— Я боюсь их! Не смей меня ими пугать!

Только теперь до Чжао Чжэнъяня дошло, что он натворил. Он... напугал собственную жену. Это было почти непростительно. Хотя... странно, ведь на его взгляд это совсем не страшно.

— Жена, может, ты пойдёшь домой? Я сам справлюсь, — сказал он, заметив на деревьях то тут, то там похожих тварей. Ему не хотелось, чтобы его жена ещё больше тревожилась.

У Чжун Цзыци всё ещё подрагивали колени. Он помедлил и спросил:

— Ты точно один справишься?

Чжао Чжэнъань, хоть и сам немного нервничал, всё же бодро хлопнул себя по груди, изображая уверенность.

Чжун Цзыци кивнул:

— Тогда смотри, осторожнее. Как закончишь — сразу возвращайся. Далеко не уходи.

— Хорошо.

Чжун Цзыци передал ему принесённые лепёшки, закинул на спину корзину с виноградом и начал спускаться с горы. Их дом находился совсем недалеко — отсюда он был виден как на ладони. Это и успокаивало его: сидя во дворе, он сможет наблюдать за Чжао Чжэнъанем.

Вернувшись домой, Чжун Цзыци залпом выпил большую миску прохладной воды и только после этого занялся виноградом. Он нашёл большой таз, насыпал туда немного соли и замочил ягоды, затем тщательно промыл их чистой водой несколько раз и разложил под солнцем, чтобы они обсохли.

Чжун Цзыци слегка постучал кулаком по ноющей пояснице и поднял голову — тот силуэт всё ещё был на месте. Он облегчённо выдохнул. Сидя во дворе, он время от времени переворачивал виноград, чтобы тот быстрее просох.

Тем временем Чжао Чжэнъань, следуя наставлениям жены, собрал целую корзину персиков и ещё одну — слив. Одну нёс перед собой в руках, другую — за спиной, осторожно спускаясь с горы.

Чжун Цзыци заметил его издалека и тут же поднялся навстречу.

— Ты что? Надо по одной носить! — проворчал он, забирая у него корзину спереди.

— Мне не тяжело, — Чжао Чжэнъань почесал затылок и глуповато улыбнулся.

Во дворе Чжун Цзыци поставил корзину и зашёл в дом, чтобы принести воды. Он подал ему миску.

Чжао Чжэнъань осушил её одним глотком, после чего уселся во дворе и принялся за уже остывшие лепёшки.

Убедившись, что виноград подсох, Чжун Цзыци зашёл в дом, вынес кувшины и начал перекладывать туда ягоды. Он тщательно вымыл руки до самых локтей, затем опустил их в кувшин и стал разминать виноград, превращая его в густую сочную массу.

Чжао Чжэнъань наблюдал с неподдельным интересом и вскоре не выдержал:

— Я тоже хочу попробовать!

— Сначала руки вымой.

— Ладно! — он тут же убежал на кухню.

— Просто дави виноград, — пояснил Чжун Цзыци.

Чжао Чжэнъань с воодушевлением запустил руки внутрь и стал с азартом мять ягоды, перебирая их пальцами.

Чжун Цзыци оставил его за этим занятием и занялся сливами и персиками. С ними было сложнее — нужно было извлечь косточки, а дальше процесс был почти таким же, как и с виноградом.

Когда Чжао Чжэнъань почти закончил, Чжун Цзыци всыпал половину мешочка сахара, затем тщательно запечатал кувшин жёлтой глиной и велел отнести его в прохладное место.

Небо постепенно темнело. Вместе они возились до вечера — обработали персики и сливы, всё герметично запечатали и поставили в пустую комнату рядом с кувшином с виноградом.

<http://bllate.org/book/16132/1607830>